

УДК 81.41

ОППОЗИЦИЯ ЗНАНИЯ И МНЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

А. А. Карагодин

THE OPPOSITION OF KNOWLEDGE AND OPINION IN LINGUISTICS AND LINGUISTIC EXPERTOLOGY

A. A. Karagodin

В статье рассматриваются теории знания и мнения с точки зрения их применимости в экспертном исследовании при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений. В первой части статьи делается вывод о противоречивости, с гносеологической точки зрения, распространенного в лингвистике и в лингвистической экспертологии так называемого эпистемологического представления о знании и мнении. Выдвигается тезис о необходимости решения задачи разграничения утверждений о факте и оценочных суждений без обращения к эпистемологической теории в той ее интерпретации, которая сложилась в лингвистике и в экспертной практике. Во второй части статьи изучаются возможности концепции знания и мнения как ментальных состояний сознания человека для описания тех ситуаций общения, которые регулируются юридической нормой (статьей 152 ГК РФ).

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, утверждения о фактах, оценочные суждения, оппозиция знания и мнения, эпистемологическая теория, ментальные состояния сознания.

In the article the theories of knowledge and opinion are examined in the aspects of their using in expert research. They separate the statements of facts and estimated judgments. In the first part of the article the conclusion is drawn about contradiction of the epistemological understanding of knowledge and opinion from the gnosiological point of view which is widely spread in linguistics and linguistic expertology. A thesis is suggested proving the necessity to solve the problems of differentiation of statements of facts and estimated judgments without reference to the epistemological theory in its interpretation existing in linguistics and expert practice. The second part of this article is the potential of conception of knowledge and opinion as the mental states of human consciousness for describing such situations of communication, which are regulated with a legal norm, is examined.

Keywords: the forensic linguistic expert, the statements about a fact and the estimated judgments, the opposition of knowledge and opinion, an epistemological theory, the mental state of mind.

Оппозиция знания и мнения относится к сфере эпистемологии, однако, как свидетельствует история отечественного языкознания, имеет непосредственное отношение и к лингвистике. В работах лингвистов Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Анны Зализняк, М. А. Дмитриховской описывается выражение в языке двух фундаментальных когнитивных установок – знания и мнения. Данные исследователи, изучая семантические, прагматические, синтагматические свойства предикатов класса «знать» и класса «считать», стремились расширить представление о концептах «знания» и «мнения». Анализ лингвоэкспертной практики по делам о диффамации показывает, что на сложившуюся в работах лингвистов оппозицию знания и мнения фактически ориентируются эксперты. В экспертных заключениях цитируются работы указанных выше исследователей, термины «знание», «мнение» употребляются как лингвистический аналог юридических терминов «утверждение о факте» и «оценочное суждение», а спорные высказывания нередко квалифицируются как знания либо мнения. Однако, как будет видно в дальнейшем изложении, следование лингвистической традиции разграничения знания и мнения в лингвоэкспертной практике создает ряд трудностей.

Как и в эпистемологии, восходящей к Пармениду и Платону, так и в лингвистике знание и мнение рассматриваются как определенные ступени изученности объекта познания. Мнение, в отличие от знания, не дает полного и точного описания объекта, оно «возникает в условиях неопределенности гносеологической ситуации, ... предполагает одновременное существование разных точек зрения на что-либо ...» [1, с. 7]. Данное представление дополняется рядом признаков, по которым разграничиваются знание и мнение.

Во-первых, считается, что «знание единственно, неизменно и не подлежит выбору: если кто-то знает, что Р, никакого другого знания на этот счет ни у кого быть не может» [2, с. 10]. Мнения, наоборот, «предполагают множественность оценок одного и того же предмета, допускают свободный выбор какой-то одной точки зрения из нескольких или многих возможных и подвержены изменению» [там же]. Во-вторых, указывается, что знание intersubjectively, это «общее достояние». Мнения, напротив, «представляют собой неотчуждаемую собственность индивида» [3, с. 9]. В-третьих, подчеркивается, что знание стремится уйти от человеческого фактора: «утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки или

осуществления альтернативного положения дел, но и выражение уверенности» [4, с. 10]. В мнении человеческий фактор неизбежен, поэтому оно «легко соединяется с выражением уверенности, неуверенности и с указанием на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел» [там же]. В-четвертых, мнение формируется актом воли конкретного человека, поэтому человек волен составить себе мнение о ком- или о чем-либо, изменить мнение, отказаться от мнения и т. д. [2, с. 10]. Знание же не формируется человеком, а получается из какого-то внешнего источника, и поэтому само возникновение знания с волей субъекта никак не связано [там же]. В-пятых, исследователями отмечается, что знание и мнение относятся к классу верифицируемых пропозиций, однако знание в отличие от мнения считается истинной, прошедшей верификацию пропозицией.

Если допустить, что в форме утверждения о факте выражается знание, а в форме оценочного суждения – мнение, в эпистемологическом понимании данных понятий, то следует признать, что в утверждении о факте может передаваться лишь верифицированная и признанная истинной информация, а в оценочном суждении – не прошедшая проверку на соответствие действительности субъективная информация. Причем мнение может выражаться как в утвердительном, так и неутвердительном высказывании (с маркерами предположения, возможности, вероятности). В повседневной жизни человек нередко становится свидетелем событий, о существовании которых никому, кроме него, неизвестно. Его информация о событиях, даже если она оформлена как утверждение, не будет считаться собственно знанием, поскольку она не является верифицированной и интерсубъективной. В данном случае это мнение конкретного человека, указывающее на начальный этап познания выбранного объекта действительности, на котором еще возможны различные точки зрения на его существование. Лишь верификация информации, установление и признание ее истинности способны «перевести» мнение в знание. (Об этом см. в исследовании Г. Ф. Гибатовой [1]. Одна и та же информация о мире может получать различный статус: быть верой (если принимается без доказательств), мнением (если для доказательства ее истинности приводятся определенные факты; но все же их недостаточно в силу субъективных и объективных причин), наконец, знанием (если в результате верификации признается истинность информации). Этапоном знания, безусловно, является информация, полученная в результате научных исследований и экспериментов.

Как видим, формально-грамматические и семантические признаки высказывания при эпистемологическом подходе не могут быть критерием разграничения знания и мнения, а следовательно, и критерием разграничения утверждения о факте и оценочного суждения (в случае отождествления данных категорий). Лингвисту-эксперту, чтобы квалифицировать спорное высказывание как утверждение о факте в рамках рассматриваемой концепции знания и мнения, пришлось бы устанавливать истинность информации, ее общеизвестность. Безусловно, лингвистическими методами это сделать невозможно. В экспертной практике давно стало традицией считать не входящим в компетен-

цию лингвиста-эксперта вопрос о соответствии действительности высказывания. Он в ходе экспертного исследования при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений может ориентироваться лишь на формально-грамматические, прагматические и семантические параметры высказывания.

Сформировавшееся в лингвистике так называемое эпистемологическое представление о знании и мнении не является полным, исчерпывающим. Экспертная практика по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, на наш взгляд, обнаруживает данную неполноту. Человек в своей повседневной жизни пользуется не только «готовым» знанием (засвидетельствованным несколькими людьми, верифицированным, соответствующим действительности), но и сам «получает» информацию о мире из различных источников. На каком-то этапе эта информация является его личным достоянием, она субъективна, однако это не означает, что такая информация не имеет никакого отношения к действительности, является всего лишь мнением о ней. Хотя в таком случае обычно говорят о том, что она соответствует не реальной действительности, а тем представлениям о мире, которые содержатся в сознании говорящего. Говорящий может утверждать в качестве истинного то, что он непосредственно видел, слышал, ощущал, к чему пришел в результате умозаключения. Впоследствии может оказаться, что в реальном мире дела на тот момент обстояли именно так, как о них сообщалось в высказывании; безусловно, вполне может оказаться обратное: говорящий мог ошибаться, хотя был абсолютно уверен в том, что утверждает истину.

Возможность допустить ошибку не лишает определенную информацию статуса информации о действительности, не переводит ее в разряд субъективных представлений говорящего. Однако из рассматриваемой эпистемологической теории знания и мнения следует как раз обратное, поскольку «знание единственно, неизменно» (ср.: *«Если я знаю, то я не могу ошибаться»*). Вероятность ошибки всегда достаточно велика, даже если для получения информации были использованы определенные методики и технологии. «Практически всегда возможно (по-человечески возможно) случится так, что я совершу ошибку или нарушу данное обещание, но сам по себе этот факт не является препятствием для употребления мной выражений «я знаю», «я обещаю», когда от нас этого требует ситуация» [5, с. 119]. Если говорящий уверен в том, что имеющаяся в его сознании информация об определенных событиях или явлениях действительности истинна, он вправе сообщать ее в такой форме, чтобы слушающим она воспринималась именно как знание, а не мнение. В противном случае говорящему, чтобы не вводить слушающего в заблуждение, следует выражать информацию в форме мнения.

Эпистемологическое представление о знании и мнении предполагает существование двух противоположных друг другу миров: внешнего, объективного мира, существующего независимо от человека, и внутреннего, субъективного мира, находящегося в сознании человека и представляющего собой отражение, интерпретацию объективного мира. Знание принадлежит объективному миру, мнение – субъективному.

Данное представление нашло практическое применение в экспертной практике при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений. Оно было дополнено юридически значимыми представлениями о верифицируемости высказываний.

Обоснование квалификации спорного высказывания, как правило, включает указание на отнесение высказывания либо к объективной действительности, либо к субъективному внутреннему миру говорящего. (Либо, как предлагается в статье Г. С. Иваненко, опубликованной в сборнике «Юрислингвистика-10» [6], эксперту следует вычленять в спорном высказывании субъективную и объективную информацию). Делается это на основании анализа формально-семантической структуры высказывания. Процитируем в качестве примера фрагмент статьи С. В. Дорониной: «... присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение» [7, с. 47]. Считается, что высказывание, лишенное субъективного компонента, оформленное как утверждение, способно передавать информацию о действительности; напротив, высказывание, содержащее субъективный компонент, сообщает не о самой действительности, а лишь о том, какое представление о действительности содержится у говорящего (приведем пример из экспертного заключения: «Форма этого высказывания по отношению к тому, как в нем проявляется личность познающего и говорящего субъекта, представляет собой ЗНАНИЕ, а не МНЕНИЕ, поскольку здесь отсутствуют показатели пропозитивной установки и субъективной модальности, словесно выявляющие субъектную сферу» [<http://www.rusexpert.ru/prim/pr012.htm>]).

Такое представление хорошо согласуется с тем, которое изложено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: «Следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности». Под его влиянием лингвисты-эксперты стали отождествлять юридическую оппозицию утверждений о фактах и оценочных суждений с оппозицией 1) высказываний, сообщающих объективную информацию о действительности, не имеющих в своей структуре субъективно-модальных компонентов и, следовательно, верифицируемых, и 2) высказываний, выражающих субъективные представления говорящего о мире, оформленных как оценочные суждения, мнения или предположения, не соотносящихся с действительностью и, следовательно, неверифицируемых.

Предложенное в Постановлении Пленума Верховного суда разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений является юридически значимым различием (о различии юридически и лингвистически значимых оппозиций см. в [9], [10]). Нам представляется, что указанная выше оппозиция, сложившаяся под влиянием юридического противопоставления, яв-

ляется, с гносеологической точки зрения, противоречивой.

Во-первых, в свете концепции знания и мнения как ментальных состояний сознания (о данной концепции речь пойдет в следующей части статьи) очевидно, что выбор формы высказывания, соответствующей утверждению о факте или оценочному суждению, зависит от говорящего, а точнее, от оценки им своего внутреннего ментального состояния как знания либо мнения. Поэтому и утверждения о факте в этом смысле субъективны.

Во-вторых, так называемый субъективный компонент не может быть препятствием для соотнесения высказывания с действительностью. Несложно представить себе ситуацию, когда мнение какого-либо лица в результате верификации может оказаться истинным (или ложным, ошибочным). Приведем пример Б. Рассела: «Однажды я встретил странного прорицателя, который на основании Откровения Иоанна Богослова утверждал, что в Египте в скором времени произойдут беспорядки. Они действительно имели место» [8, с. 254]. На этом примере видно, что мнение не утрачивает связи с действительностью. Хотя такие высказывания, как, например, директивные на самом деле не соотносятся с действительностью.

В-третьих, высказывание может быть истинным, не иметь в своем составе маркеров субъективной модальности, однако для него может не быть адекватных способов проверки на соответствие действительности. Таковыми высказываниями являются универсальные высказывания, о которых точно мы никогда не знаем, истинны ли они. Считается, что универсальное высказывание истинно до тех пор, пока не будет найден хотя бы один отрицательный пример, свидетельствующий о его ложности.

С нашей точки зрения, лингвисту-эксперту при разграничении утверждений о факте и оценочных суждений вовсе не обязательно опираться на оппозицию верифицируемых и неверифицируемых, соотносимых с объективным и субъективным миром высказываний. Ему достаточно указать высказывания, для которых возможна истинностная оценка, и высказывания, для которых данная оценка принципиально невозможна. Трудность использования этого подхода заключается в том, что истинными и ложными могут быть не только высказывания, квалифицируемые как утверждения о факте, но и высказывания, квалифицируемые как оценочные суждения. Положительным, как мы считаем, моментом подхода является то, что лингвист-эксперт избавляется от необходимости квалифицировать спорные высказывания как утверждения о факте либо как оценочные суждения. Известно, что такая необходимость порождает множество трудностей, главная причина которых заключается в том, что объективно невозможно установить единый набор лингвистических признаков, позволяющих однозначно квалифицировать спорное высказывание. Вместе с тем лингвист-эксперт не уходит от решения поставленной перед ним задачи. В экспертном заключении он укажет высказывания, могущие быть истинными или ложными, а суд уже в отношении их примет соответствующие юридические решения. К примеру, в отношении утвердительных высказываний о внутреннем психологическом состоянии («Я был рад встрече

с ним» и подобные), истинных или ложных, суд откажет истцу в требовании на опровержение содержащейся в них информации, а автора данных высказываний освободит от необходимости доказывать соответствие действительности. Это будет сделано не на основании того, что такие высказывания являются оценочными суждениями, а на основании того, что каждый человек имеет право говорить о своем внутреннем психологическом состоянии.

Таким образом, используемое лингвистами эпистемологическое представление о знании и мнении противоречиво с гносеологической точки зрения. Сложившееся в экспертной практике на его основе и под влиянием юридической сферы противопоставление верифицируемых и неверифицируемых, соотносимых с объективным и субъективным миром высказываний также противоречиво с гносеологической точки зрения. Возможно и, с нашей точки зрения, более приемлемое решение задачи разграничения утверждений о факте и оценочных суждений без обращения к данному противопоставлению.

Уяснение того, что эпистемологическая теория знания и мнения не находит как такового практического применения в экспертном исследовании, вовсе не означает, что никакая другая концепция знания и мнения не может быть использована в лингвистической экспертизе.

В работах Л. Витгенштейна, Дж. Мура, Н. Малкольма, Х. Причарда знание и мнение рассматриваются в качестве определенного состояния сознания человека. А это означает, что не только мнение, но и знание непосредственно связано с его внутренним миром. Полагается, что человек способен с помощью «интроспективной интерпретации» (термин Н. Малкольма) определить состояние своего сознания, другими словами, решить, соответствует ли оно знанию или же соответствует оно мнению. «Надо признать, что, когда мы знаем что-либо, мы также знаем или, по крайней мере, можем точно определить, что мы имеем мнение, но не знание» (Х. Причард, цит. по [11, с. 252]). По-другому, акцент в данной концепции делается не на том, что есть знание или мнение в действительности, а на оценке говорящим своего внутреннего ментального состояния как знания или мнения.

Слабость данной идеи, по мнению самих же представителей данной концепции, заключается в том, что «человек путем размышления может определить, знает ли он что-либо или только имеет мнение, и результаты этой идентификации не могут быть ошибочными» [11, с. 253]. Без сомнения, человек может ошибаться относительно состояния своего сознания, а также смешивать не только знание с мнением, но и дескриптивную информацию с оценочной. К. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги» приводит примеры, когда нормы, вводимые и принимаемые человеком, рассматриваются как факты – законы природы. Так, древнегреческий поэт Пиндар утверждал, что право сильного поступать со слабейшим так, как ему угодно, является универсальным законом природы. В суждении Пиндара К. Поппер усматривает проявление биологического натурализма, согласно которому моральные законы и законы развития государства выводятся из законов природы (современная судебная практика по делам о защите чести, достоин-

ства и деловой репутации также свидетельствует о том, что человек склонен смешивать два типа информации. Широко распространены случаи, когда тот или иной политик, общественный деятель или предприниматель обращается в суд с просьбой признать не соответствующей действительности оценочную информацию о нем. К примеру, потерпевший (известный в г. Новосибирске предприниматель) в исковом заявлении указывает: «В этой заметке газеты распространено не соответствующее действительности сведение о том, что я являюсь человеком несправедливым, непорядочным и не проявляющим участия к другим людям» [12, с. 39]. Оценочные характеристики своей личности (несправедливый, непорядочный, не проявляющий участия к другим людям) он воспринимает как фактические и настаивает на их ложности, хотя оценочные высказывания принципиально не могут быть истинными или ложными, но могут быть справедливыми или несправедливыми).

Не будет противоречить Х. Причарду и Н. Малкольму мысль о том, что результат интерпретации человеком состояния своего сознания повлияет на формально-грамматическую структуру высказывания. Если человек сомневается в истинности имеющейся в его сознании информации, то свое высказывание он оформит как мнение, предположение, включив в него соответствующие языковые средства. Безусловно, если у него нет намерения ввести слушающего в заблуждение. Если же человек уверен в том, что он собирается сообщить слушающему, искренен с ним, он построит свое высказывание в утвердительной форме, исключив из него средства субъективной модальности, оценочные слова.

При этом важно, чтобы говорящий не только был искренен со слушающим, но и мог так сформулировать свое высказывание, чтобы оно воспринималось слушающим необходимым образом: либо как мнение (предположение, оценочное суждение), выражающее отношение к событиям и явлениям действительности, либо как утверждение, сообщающее о существовании в действительности определенных событий и явлений. В русском языке для этих целей есть необходимый набор самых разнообразных средств: лексических, грамматических, ритмомелодических и др. Эффективное употребление указанных средств в речи может быть достигнуто при соблюдении говорящим определенных правил. В качестве примера приведем некоторые правила, сформулированные Н. Д. Арутюновой для выражения факта. (Заметим, что это не единственные правила, важнейшие рекомендации по смысловой защите текста изложены в работах Г. П. Грайса и Дж. Лича (подробнее об этом см. в [14, с. 60 – 64]).

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, главное правило заключается в том, чтобы исключить из высказывания, выражающего факт, субъективные оценки и эмоциональные коннотации, вводные слова и конструкции. «Будучи величиной объективной, «факт» должен «выбирать выражения», отбрасывая все то, что обнаруживает связь с личностью говорящего, – его оценки, комментарии, дополнения, разъяснения и т. п. – словом, все то, что затрудняет верификацию и вносит побочные субъективно-предикатные связи» [13, с. 495]. Несоблюдение данного требования может

привести к искажению факта. «Предложение *Наш простофиля женился на этой «штучке»*, если оно претендует на констатацию факта, должно быть переформулировано как *Иван женился на Изольде*» [13, с. 495]. Сообщение факта также требует, чтобы говорящий был внимателен к выбору лексики: она должна быть нейтральной и отвечать условию «прозрачности» [там же].

Говорящий должен быть уверен в истинности и в некоторой степени общеизвестности сообщаемой информации (о существовании в действительности определенных предметов и событий должно быть известно не только ему, но и другим говорящим, не обязательно тем, кому он ее сообщает; причем те, кому известна данная информация, также должны быть уверены в ее истинности). Если человек не уверен в том, является ли какое-либо событие фактом (истинным суждением о существовании данного события в действительности), ему следует говорить о нем в предположительной модальности.

Еще одно правило предполагает, что говорящий должен быть искренним перед слушающим и внимательным к той информации, которую он ему сообщает. Если в том источнике, из которого получена информация, она маркируется как чье-либо мнение или предположение, говорящий должен таким образом сформулировать свои высказывания, чтобы в них сохранилась исходная модальность (модальность мнения, предположения). В противном случае он исказит информацию. Приведем пример. Если кто-либо говорит о собственном мнении по поводу тех или иных фактов (скажем, *«Я считаю, что фильм был снят в Америке»*), то говорящий, если не желает ввести в заблуждение слушающего, не должен высказываться о нем как об утверждении по поводу фактов (*не «N утверждает, что фильм был снят в Америке», но «N считает, что фильм был снят в Америке»*).

Концепция знания и мнения как ментальных состояний сознания человека вполне согласуется с ситуацией общения, которая регулируется юридической нормой (ст. 152 ГК РФ). Предполагается, что говорящий может сознательно выбирать, каким образом ему преподнести определенную информацию (как знание или как мнение), способен строить свои высказывания так, чтобы они воспринимались слушающим соответствующим образом. Результат оценки внутреннего состояния определяется психологическими факторами: уверенностью в истинности имеющейся в сознании информации, в надежности источника получения данной информации и т. д. Укажем на возможные ситуации, возникающие в результате соотнесения ментального состояния сознания говорящего (знания или мнения), формально-грамматической структуры высказывания и соответствия или несоответствия действительности.

Говорящий уверен в истинности имеющейся в его сознании информации, сообщает ее слушающему в утвердительной форме, без показателей субъективной модальности и оценочных слов, в действительности информация является истинной. Однако сообщение информации в утвердительной форме, без показателей субъективной модальности и оценочных слов равным образом может как соответствовать действительности, так и не соответствовать ей. Наличие в

сознании говорящего уверенности в истинности информации еще не делает высказывание, передающее данную информацию, истинным. Поэтому нередки случаи, когда говорящий, будучи уверенным в истинности, распространяет информацию о лице в утвердительной форме, а впоследствии оказывается, что данная информация о лице не соответствует действительности. Подобные случаи становятся предметом судебного разбирательства.

Следующая ситуация. Говорящий не уверен в истинности имеющейся информации, маркирует свое высказывание как мнение, предположение, распространенная информация может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. В таком случае говорящий не подвергается правовой ответственности, даже если его высказывания являются ложными, поскольку он имеет полное право выражать свое мнение, предположение, убеждение.

Вполне возможны и такие ситуации, когда уже в ходе судебного разбирательства ответчик настаивает на том, что распространенная им информация о некотором лице является его мнением, субъективным представлением. Вместе с тем экспертное исследование высказываний показывает, что они имеют утвердительную форму, в их формально-семантической структуре нет средств субъективной модальности и оценочных слов. Даже если предположить, что ответчик искренен в своих заявлениях и не старается таким образом уйти от правовой ответственности, установленные экспертизой факты говорят против него. Суд вынесет решение не в его пользу, поскольку будет ориентироваться на очевидную для слушающего причинно-следственную связь между ментальным состоянием говорящего (конечно, при условии, что он искренен перед слушающим) и формально-грамматической организацией его высказываний. Если слушающий воспринимает высказывание в утвердительной форме, без маркеров субъективной модальности и оценочных слов, то он вправе думать, что говорящий оценивает свое ментальное состояние как знание, т. е. убежден в истинности имеющейся у него информации, и вправе воспринимать информацию как сообщение о реально произошедших в действительности событиях и явлениях, а в случае обнаружения ложности такой информации считать себя введенным в заблуждение, обманутым. Если же говорящий заявляет, что в данном высказывании он выразил всего лишь свое субъективное представление о действительности, то возможны, по крайней мере, два объяснения такому факту: либо говорящий таким образом стремится снять с себя всякую (и юридическую в том числе) ответственность, либо он просто не владеет приемами выражения мнения и невнимателен к своей речи (не замечает того, что вероятностную информацию сообщает в утвердительной форме; в таком случае речь идет о его низком коммуникативно-речевом профессионализме).

Следующие ситуации связаны с соотнесением ментального состояния сознания говорящего (знания или мнения), формально-грамматической структуры высказывания и ментального состояния слушающего. «Событие выступает в сознании журналиста в виде образа события. Образ события описывается им при помощи текста, причем конечная задача этого текста

– создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или зрителя). <...> В этом процессе могут возникать намеренные и ненамеренные деформации» [14, с. 52]. Останавливаться на данных ситуациях мы не станем, поскольку они достаточно подробно описаны в книге «Понятие чести, достоинства и деловой репутации». Лишь укажем на то, что полученные в данной книге результаты не противоречат основным положениям концепции знания и мнения как ментальных состояний сознания человека, которая рассматривается нами в аспекте ее использования в экспертной практике по делам о защите чести.

Концепция знания и мнения не является лингвистической теорией. Нам не известны лингвистические исследования, которые бы основывались на данной концепции, как в случае с эпистемологической концепцией знания и мнения. Однако ключевые идеи концепции знания и мнения как ментальных состояний перекликаются с положениями теории речевых актов. (Заметим, что теория речевых актов является основной теорией, с позиции которой в книге «Понятие чести достоинства и деловой репутации» рассматривается ситуация общения, регулируемая статьей 152 ГК РФ).

С позиции теории речевых актов, в отношении мнений и утверждений говорящий ведет себя неодинаковым образом. Утверждая определенное положение дел в мире, говорящий берет на себя ответственность за его истинность и выражает психологическое состояние убеждения. В случае мнения, предположения, сомнения ответственность с говорящего снимается. При этом состояние убеждения остается, но в меньшей степени (подробнее об этом см. в [15, с. 181 – 182]). В рамках данной теории признается сознательный выбор говорящего. Он может оформить свое высказывание как утверждение, выразив убеждение в истинности его содержания, но при этом должен понимать, что в таком случае берет на себя ответственность – морально-этическую и правовую. Выражая собственное мнение, предположение или сомнение, говорящий снимает с себя ответственность, и прежде всего правовую, поскольку высказывание мнений, предположений, сомнений гарантируется каждому человеку Конституцией РФ.

Литература

1. Гибатова, Г. Ф. Ментальные сферы русского языка: знание и мнение [Текст] / Г. Ф. Гибатова: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Уфа, 2011. – 43 с.
2. Апресян, Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1.
3. Арутюнова, Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок)

[Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблема интенциональных и прагматических контекстов: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1989.

4. Дмитриевская, М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека [Текст] / М. А. Дмитриевская // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. научн. трудов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988.

5. Остин, Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы [Текст] / Дж. Остин. – СПб.: Алетейя, 2006. – 335 с.

6. Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов [Текст] / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 510 с.

7. Доронина, С. В. Средства выражения эпистемологического значения и методологические основы лингвистической экспертизы [Текст] / С. В. Доронина // Филология и человек. – 2009. – № 3.

8. Рассел, Б. Исследование значения и истины [Текст] / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 400 с.

9. Бринев, К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма, определение понятия «социальная группа». [Электронный ресурс] / К. И. Бринев // Библиотека сайта «Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов». – Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-96>.

10. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография [Текст] / К. И. Бринев; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.

11. Малкольм, Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю ...» [Текст] / Н. Малкольм // Философия, логика, язык / сост. В. В. Петров. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.

12. Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов [Текст] / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. – 200 с.

13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.

14. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами [Текст] / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медия, 2004. – 328 с.

15. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.